

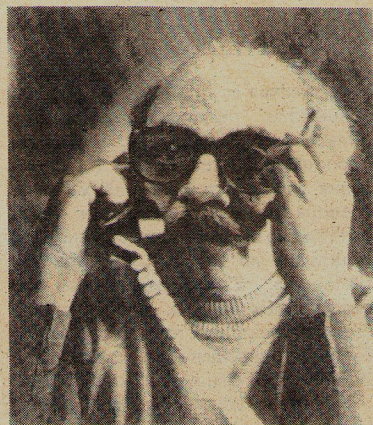
Некоторые исследователи творчества Давида Самойлова считают, что к сосредоточенной работе над прозой подвинули поэта обстоятельства, связанные с его подписью под письмом в защиту Ю. Галанского и А. Гинзбурга в 1968 году. Во многом это действительно так. Поэтические его публикации с момента подписи на некоторое время прекратились. Давид Самойлов не мог тогда знать, на какое именно время. Возможно, надолго. Оказавшись в 1969 г. в больнице, поэт делает первые наброски к своей будущей мемуарной прозе. В такие периоды жизни многие литераторы обращаются к мемуарам. Ведь мемуары — это не столько воспоминания, сколько подведение итогов. Для одних — жизненно, для других — творческого пути.

И все же причина обращения Самойлова к прозе, на мой взгляд, не только и не столько в этих драматических обстоятельствах. Хотя бы потому, что «прозу» (дневники, записные книжки, очерки) он писал всю жизнь, с самого отрочества. В «Памятных записках» есть даже глава «Из дневника восьмого класса». Истоки самойловской прозы лежат не в обстоятельствах и «чередовании литературных родов и видов», а в том, что по природе своей он, наверное, был прозаиком, а не поэтом. Здесь — главная драма жизни Давида Самойлова. Он страдал от того, что считал себя лишенным дара прозаика-повествователя. Возможно, он не хотел мириться со «средним» жанром, расположенным между поэзией и беллетристикой, — с тем, что называется эссеистикой. Самый, кстати, популярный в литературе XX века жанр. Порождена ли эссеистика общим, планетарным творческим бессилием века или же его чрезмерной склонностью к рефлексии? Всего этого Самойлов не мог не чувствовать — он был тонкий, трезвый, строгий человек и в поэзии, и в прозе.

Очевидец и участник литературной жизни 60-х годов говорил мне, что у известной части русской интеллигенции было в те времена два кумира: Арсений Тарковский и Давид Самойлов. Вот что пишет о Тарковском Самойлов в своих «Записках»:

Давид Самойлов. *Памятные записки. М., «Международные отношения», 1995.*

Русская мысль. - 1995. - Париж. - 11 мая. - с. 13. Роман про себя

Давид Самойлов

Памятные записки

«Сохранился лучше других, пожалуй, несколько жеманный и изысканный Арсений Тарковский, трансформирующий в поэзию нечто реальное — комплекс неполноценности. Не случайно в некоторых кругах интеллигенции Тарковский последние годы принимается как первый поэт времени».

То же самое можно было бы сказать и о Самойлове. Не затрагивая такую деликатную вещь, как комплекс неполноценности, скажем, что Самойлов в меньшей степени «трансформировал» в поэзию нечто реальное. Что именно — непонятно. Это «непонятно» и пленило «некоторые круги интеллигенции». Это «непонятно» действительно было чем-то реальным.

Сближение Тарковского и Самойлова кажется мне и обоснованным, и все-таки странным. Дело, во-первых, в том, что сравнение этих двух поэтов не совсем «выгодно» для последнего: поэтическое дарование Тарковского несоизмеримо богаче, и с этим ничего не поделаешь. Но, с другой стороны, личность Тарковского целиком равна его поэзии и едва ли не исчерпывается ею. Явление же Самойлова глубже и больше его поэзии, при всей ее несомненной ценно-

сти. Мы не можем не чувствовать, как истощает его посмертная поэтическая слава... Поэзия Самойлова может забиться и остаться лишь фактом литературной истории, но имя его сохранится. «Памятные записки» тяжелее его предыдущих томов (и по объему в том числе). То, что он все-таки не смог выразить себя в поэзии, понимаешь по его прозе. Он был прежде всего мыслитель, мыслитель-художник, мыслитель-лирик, но не поэт. В прозе Самойлова едва ли не больше поэзии, чем в его стихах.

«Дом был моим миром, потому что все связи мои и все детские впечатления не выходили за его рамки. Дом был миром, имевшим свои очертания и границы. И как бы противоположностью ему было неосознанное понятие пространства. Пространство было то, что начинается за забором и простирается неизвестно куда».

Это из главы о детстве. А его «Сны об отце», которые невозможно читать без острой, личной, только художником внушаемой тоски!.. Читая «Памятные записки» Давида Самойлова, вспоминаешь невольно его стихи, вставшие когда-то популярной песней:

А в памяти моей
Такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...

Казалось, всех своих приятелей детства, родных, соседей по коммунальной квартире, всех своих друзей, врагов (вплоть до армейских старшин), предателей, собратьев по перу, кумиров, учителей — всех вспомнил Самойлов в «Записках». Он часто говорит, что друзья советовали ему не идти на фронт, оставаться жить, чтобы стать летописцем поколения... Поколения сороковых. Коган, Кульчицкий, Слуцкий и др. Что же это было за поколение (литературное поколение)?

«Мы считали поэзию делом гражданским. Гражданственность, по нашему убеждению, состояла в служении политическим задачам, в целесообразности которых мы верили. Предыдущее поколение в целом плохо решало эту задачу. Общим тоном были ходульность, поверхностность, лживость, хвалестность. Высшее назначение литературы не могло быть выполнено таким бездарным способом... Предполагали, что руководство страны знает о положении в литературе и ждет пополнения искреннего и талантливого, способного понять и поэтически сформулировать политические задачи. Мы и готовились к этому».

Эти строки вызывают улыбку не только у сегодняшнего читателя. Они писались с горькой иронией прежде всего самим автором. Не отрекшимся от своего поколения, но судившим его и себя в нем. Сколько бы мировоззренческих недоразумений мы ни находили в «Памятных записках» Самойлова, недоразумений, так и не изжитых при всей трезвости и жесткости его ума, мы всегда будем возвращаться к таким его строкам:

«Я не стыжусь своего тогдашнего образа мыслей, ни его наивного идеализма, ни его ходульного пафоса. Я не был умней своего поколения. И развивался вместе с ним. И не хочу быть крепким задним умом».

Самойлов работал над «Памятными записками» как над литературным жанром, оригинально и изобретательно организуя свою прозу. Но прежде всего это мемуары. Мемуары требуют прежде всего предельной открытости. Ее мы не находим у Самойлова. Скорее всего здесь сказались особенности его характера и темперамента. А впрочем, много ли открытости в «Шуме времени» Мандельштама? Видимо, это неразрешимая дилемма: либо проза, либо открытость. В мемуарах нельзя поступать лишь честностью. И в этом Самойлов безупречен. Возможно, благодаря честности перед собой он часто вызывает в читателе недоумение.

«Принцип «не убий» неминуемо должен быть нарушен в войне, даже справедливой, в состоянии самообороны или защиты другого от убийства. Осуществление естественного права самозащиты или защиты национальной, или социальной, или личной и относится к сфере преднаправленности. И, конечно, не покаяние, не ощущение греховности этого состояния выводит личность за ее пределы — к высшему принципу, к идеалу. (...) Преднаправленность достойна, если ведет к нравственности».

Я, не участвовавший ни в одной из войн, не имею права судить о фронтовике. Но все равно трудно понять, что такое «преднаправленность». Да, странные строки. Но вот буквально следующие за ними:

«Основная беда нашего военного поколения литературы в том, что большинство ее представителей в поэзии и прозе преднаправленное состояние ретроспективно оценивают как свое высшее нравственное достижение... «Военный период» по нравственному качеству не отличается от всех других времен литературы воспевания власти».

А страниц через пятьдесят после этих строк глава «А было так...», о Польше в 1945 году, и следующая за ней — «Испытание победой». В «польской» главе Самойлов приводит записи из своего дневника:

«Приходят сдаваться немцы, группами и поодиночке. Маленький лысоватый курчавый немец, давно не мытый, с гноющимися глазами. Он сдался от голоду, его обыскали. Он попросил, чтобы оставили фото жены. Ему отдали фото. Партизанский мальчик Ванька Радзевский вызвал конвоировать этого немца до сарая, где содержались другие пленные. Он отвел его на несколько ша-

гов и пристрелил».

В военном дневнике Самойлова много подобных записей, и не только о польских, но и о русских мальчиках. (Вспомним, кстати, что вести дневники во время войны было небезопасно. Подумаем и о том, каково давались такие записи советскому солдату Давиду Самойлову). И вот — «резюме» Самойлова через тридцать лет после победы:

«Вопрос о нравственной ответственности победителей обычно не ставился. И проблема нравственных последствий победы как исторического деяния представляется еще более запутанной. (...) Лозунг «Убей немца!» решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнений. (...) Я думаю, что вопрос этот надо решить, прежде всего сравнив на почве нравственной ответственности победителей и побежденных».

«Исповедью сына века» бы не звать «Памятные записки». Самойлов словно был обречен прожить весь советский период русской истории и умереть в самом его конце (1920—1990). «Памятные записки» — все же очень идеологизированная книга, даже тогда, когда ее автор борется с идеологией. У него был какой-то нюх на идеологию, даже на самую лучшую (это особенно чувствуется в его критических очерках о Солженицыне), и, кажется, он всю жизнь недолюбливал идеологию и страдал от нее. Но так и не смог ее изжить в себе. Даже его блестящий историко-литературный очерк «Литературное и общественное движение 50—60-х годов», включенный в книгу, целиком, от начала до конца пронизан идеологией. Наверное, в своей поэзии он и спасался от сбедающей всю его эпоху идеологии. И в своих главах о детстве он тоже свободен от нее.

Мысли Самойлова о еврейском элементе в русской культуре поразили глубоко и точно. Таковы же и его рассуждения о понятии «интеллигенции». Остры, интересны, независимы, жестковаты, иногда даже злы его характеристики Эренбурга, Сельвинского, Мартынова, Слуцкого, Кирсанова, Евтушенко, Вознесенского, Бродского и др. Самойлов во многом (особенно в своих историософских рассуждениях) невнятен, иногда пресен, утомителен, но вкус ему не изменил ни на одной странице книги. Он ни в одной строке не отрекался от своих друзей и ни в одной строке не льстил недругам.

Но чувствуется и какая-то отстраненность в «Записках» Самойлова. Отстраненность, отчужденность, и непрерывная ирония, добрая, злая или горькая, и сосредоточенная устремленность в прошлое, но и всегда бодрствующая внимательность к современности, к современности самой новейшей...

Не для «Памятных записок» ли Самойлов в последние годы своей жизни отошел от повседневной литературной жизни? Отсюда и отчужденность. Во имя «романа про себя»? Который он писал не только в последние двадцать лет.

«Спасался я от тоски и скуки тем, что сочинял в уме большой роман. Это был роман со многими персонажами, со сложными переплетениями судеб, роман — история поколения, который никогда не лег на бумагу и все же существовал — для одного читателя, для меня...».

МАНУК ЖАЖОЯН

Париж